

УДК 930

DOI: 10.15393/j14.art.2016.85

Кузнецова Наталья Юрьевна

Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
аспирант кафедры отечественной истории;
специалист Отдела профориентационной работы;
младший научный сотрудник Управления научных исследований (ГБТ 653-14)

Старообрядчество как проявление традиционализма в концепции народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина¹

Аннотация: В статье анализируются взгляды народников С. А. Приклонского (1846—1886) и А. С. Пругавина (1850—1920) на старообрядчество в Российской империи, его роль и влияние на русское крестьянство. Оба народника относились к легальному направлению народничества, представители которого придерживались доктрины эволюционного пути страны к социализму и полагали, что народ необходимо изучать.

С. А. Приклонский и А. С. Пругавин, исследуя народную жизнь, обнаружили, что весомой и обособленной частью русского крестьянства является старообрядчество. Оба автора определяли старообрядчество как особую форму религиозности на Европейском Севере и подчеркивали её интеграцию в традиционное крестьянское общество

Ключевые слова: старообрядчество; Европейский Север; традиционное общество; народничество; С. А. Приклонский; А. С. Пругавин.

В современной исторической науке наблюдается подъём интереса к изучению роли и места старообрядчества в истории России. Публикуются исследования, обобщающие уже накопленные знания. Например, работы В. В. Молзинского, А. В. Пыжикова, С. В. Таранца, Е. М. Юхименко [8; 9; 16; 17; 20], в которых старообрядчество описывается как особая общность, существовавшая (и существующая по сегодняшний день) на территории России.

Старообрядчество длительное время (начиная с середины XVII в. до наших дней) оставалось одним из самых массовых явлений в русской жизни. Историк русской культуры С. А. Зеньковский в известной работе «Русское старообрядчество» отмечал, что «согласно статистике XIX в., как минимум, четверть, если не треть всех великороссов стали приверженцами различных толков старообрядчества» [2; 42]. Однако точная статистика этой религиозной группы в Российской империи всегда была проблемой, т. к. гонения и аресты с самого начала способствовали тому, что старообрядцы предпочитали скрывать свою веру от общества.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Вплоть до революции 1917 года вопрос о статусе старообрядчества часто поднимался как представителями РПЦ, так и исследователями, изучающими это особое явление в русском обществе. Подъём интереса общественности к старообрядчеству в 1880-е гг. был связан с работами историков «народнической» направленности. Народничество и его тезис о необходимости изучения народа стали попыткой части русской интеллигенции, с её устоявшимися мировоззрениями, понять «неведомый» мир крестьянства. Народ представителями этого общественно-политического течения воспринимался как некий, до сих пор не изученный феномен. Каждое течение в народничестве (революционно-демократическое, легальное) по-своему определяло способ изучения русского народа и дальнейшее с ним взаимодействие. Если представители революционно-демократического крыла народничества воспринимали народ как революционную силу и стремились найти контакт с крестьянством для последующего его вовлечения в открытую революционную борьбу, то представители легального народничества действовали в противоположном направлении. Они, отстаивая доктрину мирного, эволюционного пути страны к социализму, полагали, что народ необходимо не просто изучить, но и стать ему полезным, чтобы постепенно построить социалистическое общество.

Социальную базу легального народничества составили профессиональные писатели и общественные деятели дворянского происхождения, а начиная с 1880-х гг. к ним примкнули разночинцы и даже многие представители революционного народничества, что обуславливалось правительственной реакцией периода царствования Александра III. Популярностью у легального течения народничества, представители которого составляли трудовую провинциальную интеллигенцию, пользовались «теория малых дел» и профессиональное исследование народа с опорой на данные статистики, архивов и личные наблюдения.

В центре внимания современных российских исследователей сегодня оказываются работы многих ярких представителей народничества, наследие которых ещё не полностью изучено. Например, В. В. Молзинский, в работах которого содержится подробная характеристика историографии старообрядчества, полагает, что необходимо сегодня изучать не только историю развития старообрядчества как религиозного движения, но и сам исследовательский процесс развития знаний о старообрядчестве.

Значимым провинциальным научным центром России, где продолжается изучение народнической проблематики, выступает Воронеж. На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. в Воронеже вышли в свет несколько обобщающих работ, посвящённых истории и историографии неревolutionного крыла русского народничества второй половины XIX — начала XX в. В сборниках представлены статьи М. В. Кирчанова, С. Н. Кастирова, Г. Н. Мокшина, А. И. Пенькова, Е. В. Чернышевой и ряда других авторов, которые рассматривают взгляды и деятельность ведущих представителей легального народничества и оценивают современное состояние историографии проблемы [4; 5; 6; 7; 10; 11; 18; 19].

В том числе заслуживают пристального внимания работы С. А. Приклонского и А. С. Пругавина. Сергей Алексеевич Приклонский (1846—1886) и Александр Степанович Пругавин (1850—1920) являлись по своему мировоззрению представителями народничества и писали свои работы под влиянием народнической идеологии. Обращение к вопросу старообрядчества у каждого из них произошло по-разному. С. А. Приклонский, служивший в 1870—1879 гг. в Олонецкой губернии, был одним из ярких представителей краеведения и публицистики, вышедших из среды либерального чиновничества. И хотя пик его литературной деятельности приходится уже на период жизни в Москве после отставки со службы, большую часть материалов, на основе которых им затем были созданы многочисленные статьи, С. А. При-

клонский получил ещё в Олонецкой губернии. А. С. Пругавин проявил интерес к изучению северного старообрядчества, будучи в статусе политического ссыльного, а после снятия полицейского надзора стал крупным исследователем старообрядчества и сектантства.

С. А. Приклонский и А. С. Пругавин, как и другие народники, приступив к исследованию крестьянской жизни в империи, увидели, что весомой и обособленной частью русского крестьянства является старообрядчество. Они пытались изучать старообрядчество непредвзято (в противовес Русской Православной Церкви и официальной власти), руководствуясь живым интересом, стремлением разобраться в этом массовом народном религиозном движении и понять его особенности. Своими «открытиями» народники стремились поделиться, писали и публиковали в ведущих журналах и газетах того времени («Русская Мысль», «Северный Вестник», «Вестник Европы», «Голос», «Неделя») статьи, очерки, заметки; издавали работы в ведущих типографиях по вопросу «особенностей» народной жизни (Типография Товарищества «Общественная Польза»; Типо-Литография И. Н. Кушнерова и К°; Типография И. Д. Сытина).

Цель исследования состоит в комплексном изучении формирования и эволюции системы взглядов С. А. Приклонского и А. С. Пругавина, в определении вклада авторов в исследование феномена северного старообрядчества, в выявлении тех философских и социологических теорий и представлений, на которые они опирались в изучении старообрядчества, источников их сведений о старообрядцах, методов, применявшихся ими при изучении старообрядчества. Необходимо установить, удалось ли авторам разгадать «тайну народного духа», выявить глубинные основы традиционного крестьянского сообщества путём изучения феномена старообрядчества (сквозь призму их хозяйственной, бытовой, духовной жизни) и обозначить нишу, которую заняли авторы в общей совокупности исследований по обозначенной проблеме.

Территориальные рамки исследования ограничены Европейским Севером Российской империи в преломлении двух губерний, а именно Олонецкой и Архангельской, в которых побывали С. А. Приклонский и А. С. Пругавин. Отличительными особенностями этих двух губерний были, с одной стороны, почти полное отсутствие там помещичьих имений и крепостных крестьян и, с другой стороны, наличие там большого числа старообрядцев. В целом период пребывания и А. С. Пругавина (учитывая его детские и юношеские годы, т. к. родился он в Архангельской губернии), и С. А. Приклонского (прослужил около 10 лет в Олонецкой губернии) на этой территории был достаточно длительным.

Источники по данной теме представлены делопроизводственными документами (формулярные списки, служебная переписка, отчётные документы и т. д.), материалами периодической печати (газетные и журнальные публикации), публицистическими сочинениями и научными трудами А. С. Пругавина, С. А. Приклонского и их современников, а также источниками личного происхождения (личная переписка, дневники, черновики, записные книжки и др.).

Значительная часть из отмеченных видов источников не опубликована и хранится в архивах: в Национальном архиве Республики Карелия в г. Петрозаводске (далее — НА РК), в Государственном архиве Архангельской области в г. Архангельске (далее — ГАОО), в Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге (далее — РГИА), в Российском государственном архиве литературы и искусств в г. Москве (далее — РГАЛИ). РГАЛИ стал основным архивом для исследования, и документы, хранящиеся в этом архиве в личном фонде А. С. Пругавина, имеют наибольшую ценность для раскрытия темы.

Вопрос о религиозных течениях в русском обществе стал одной из исследовательских тем С. А. Приклонского, для изучения которой автор привлёк несколько групп источников. Автор при написании своих работ опирался на официальные документы канцелярии губерна-

тора Олонецкой губернии (переписка чиновников, официальные донесения, секретные донесения, статистические данные); данные периодической печати (статьи из «Олонецких Губернских Ведомостей»); сочинения самих старообрядцев («История Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова) и личные наблюдения.

Личные наблюдения автора в период инспекционных поездок по губернии сыграли значимую роль для его исследований. С. А. Приклонский в книге включил в повествование примеры, увиденные им, для подтверждения собственных выводов. В период инспекционных поездок по губернии С. А. Приклонский, несомненно, контактировал с местным населением и со старообрядцами, в т. ч. мог их расспрашивать. Но, скорее всего, в их глазах он являлся именно частью государственной машины, представителем той самой власти, которая вела агрессивную политику борьбы с их верой. Изначальная принадлежность автора к категории краеведов-чиновников стала причиной сложностей с налаживанием личных контактов со старообрядцами.

Безусловно, источниковая и историографическая база у С. А. Приклонского была не очень обширной, что объясняется ранней смертью последнего. Автор просто не успел собрать и систематизировать материал. Однако имеющиеся данные позволили С. А. Приклонскому написать ставшую широко известной книгу «Народная жизнь на Севере».

Главным аспектом в книге С. А. Приклонского «Народная жизнь на Севере» оставалась экономическая сфера. Автор стремился изучить именно эту часть жизни карельского крестьянства и рассматривал остальные вопросы, в т. ч. и старообрядчество в Олонецкой губернии, через экономический фактор. Народник сделал вывод о том, что представители религиозной группы старообрядцев оказывали влияние на традиционное карельское общество в Олонецкой губернии в трёх областях: на образование, образ жизни и быт (в т. ч. оказалась затронута и экономическая сфера), монастырскую жизнь края.

С. А. Приклонский находит у И. Филиппова любопытную информацию о благотворительности в старообрядческой среде, которая ставила мирского человека в один ряд с подвижниками староверия. Например, он приводит читателю историю крестьянина Аверкия (старообрядца, исходя из источника информации), который сначала на собственные средства «устроил мост в своей деревне», а затем, когда поселился в Выговском общежитии, построил мост через р. Выг. В этом сюжете И. Филиппова С. А. Приклонский, возможно, увидел важный для понимания особенности старообрядчества момент: любовь к труду и стремление к благотворительности, а также ценность этих действий в глазах общины. Старообрядец мог «прославиться» среди местного населения не только духовными подвигами, но и подвигами трудовыми.

По вопросу о распространении старообрядчества в крае и отстаивании здесь интересов этой религиозной группы С. А. Приклонский делает следующее заключение. Он указывает, что «во главе староверов стояли сельские богачи», которых народ воспринимал «как своих вождей и руководителей», и потому этот самый народ «на севере 200 лет отстаивал староверие» [12; 235]. В данном утверждении сочетаются несколько фактов: во-первых, автор признаёт, что именно обеспеченные члены крестьянской старообрядческой общины являлись её лидерами, во-вторых, он отмечает, что не только и не столько духовная составляющая, вероятно, стала основополагающей в столь широком распространении старообрядчества в Олонецкой губернии. Безусловно, руководящая административная роль самых крепких крестьян-хозяев была характерна для крестьянского мира всегда. Но С. А. Приклонский приводит читателю важный факт для размышления о том, что в распространении старообрядчества на Олонецкой земле, возможно, сыграл важную роль экономический мо-

мент, а не только религиозные взгляды и удалённость этой территории от центра, столь выгодная для старообрядцев. Автор выделяет в тексте момент об особенностях в отношениях между зажиточным крестьянином и его бедным соседом, когда первый «умеет держать людей в экономической зависимости, не стирая человеческой личности их, оставаясь экономически сильным между равными» [12; 237].

Кроме того, описывая зажиточного карельского крестьянина, который чаще всего являлся старообрядцем, народник С. А. Приклонский подчёркивает, что именно эти люди и составляют «нарождающуюся сельскую интеллигенцию», у которой «стала пробуждаться потребность в чтении» [12; 243]. Крестьяне, читая книги и особенно газеты, по мнению автора, демонстрировали «просветление сознания родной действительности», что также отражает народническую позицию С. А. Приклонского.

Таким образом, в книге автор показал, что старообрядцы оказывали влияние именно на повседневность (экономику, образование и быт), а не только и не столько на религиозную жизнь окружавшего их населения.

После смерти С. А. Приклонского в двух номерах журнала «Северный вестник» за 1888 г. была опубликована ещё одна из его статей «Странники или бегуны. Из народной жизни на Севере» [13]. В ней автор рассматривал историю и современность одного из самых радикальных течений в старообрядчестве — странничество. Автор подробно описывал особенности мировосприятия странников (разрыв с обществом и уход от мира как пассивная борьба с Антихристом), их нелегальное положение, когда они скрывались и от светских, и от духовных властей. С. А. Приклонский также указывал на существование ещё одного старообрядческого согласия — «жиловых христиан». Последние были тесно связаны с бегунами, которым они давали приют и помогали скрываться от властей.

За период службы в Олонецкой губернии С. А. Приклонский смог собрать коллекцию документов (в т. ч. и секретных), посвящённых истории и современным автору событиям, связанным со старообрядчеством в Олонецкой губернии. Эти материалы в конечном итоге оказались у А. С. Пругавина и сегодня доступны в РГАЛИ для изучения. Анализ этих архивных дел показывает, что у С. А. Приклонского хранились списки и схема выговских настоятелей [1; л. 33—37; 41 об.], делопроизводственная документация (копии и оригиналы писем и донесений, в т. ч. секретные) о старообрядцах Выго-Лексинского общежительства периода царствования Александра I и Николая I [1; л. 3—3 об.; 17—20; 27—28]. То есть у автора имелись материалы, анализ которых позволил бы ему раскрыть тему отношений государственной власти с крупнейшим старообрядческим центром на Европейском Севере. Например, на четырёх листах в деле № 59 содержится «Рапорт олонецкому гражданскому губернатору А. В. Дашкову от повенецкого земского исправника Бакуревича 1838 г.». Только С. А. Приклонский не воспользовался ими и не включил их в качестве источников в книгу «Народная жизнь на Севере», понимая, что в таком случае цензура могла не пропустить её.

Для народника А. С. Пругавина старообрядчество на протяжении практически всей его жизни оставалось ключевой исследовательской темой. А. С. Пругавин также уделял много внимания изучению трудов самих староверов и работ его современников, которые изучали вопросы религии в империи. Автор состоял в переписке с представителями многих религиозных течений, и старообрядцы не были исключением. В письмах он обсуждал с ними их положение в российском обществе, отношение к ним властей, выслушивал жалобы и претензии на несправедливое обращение и многое другое. Также староверы поддерживали А. С. Пругавина и нередко снабжали его не только информацией для дальнейших исследований, но и денежными средствами.

Что касается историографии, то А. С. Пругавин пытался составить подробную картотеку трудов как работ его современников, так и ранее опубликованных книг и подчёркивал в одном из писем, что его библиотека состояла из «многих весьма редких изданий, разных ценных коллекций научного характера, дорогостоящих автографов Тургенева, графа А. Н. Толстого, И. С. Аксакова и многих других знаменитых русских писателей, огромного количества литературных материалов по вопросам народного быта», которые А. С. Пругавин собирал «в течение целых тридцати лет», потратив на это «массу труда и денежных средств» [14; л. 1 об.; 2].

А. С. Пругавин в исследованиях религиозности русского народа использовал комплексный подход, рассматривая проблему и с точки зрения истории, и с точки зрения религии (подобный подход практиковал, например, А. В. Карташев [3]). Автор предпринимал неоднократные попытки разобраться в многообразии религиозных движений в России, о чём свидетельствует классификация, составленная А. С. Пругавиным и опубликованная в книге «Раскол и сектантство в русской народной жизни» [15; 77].

Также заслуга народника А. С. Пругавина в исследовании религиозности русского общества состоит в том, что он был одним из первых, кто попытался не просто исследовать вопрос о религиозных движениях в народе, но и проследить эволюцию этих движений, их трансформацию и перетекание из одного в другое через несколько переходных форм. А. С. Пругавин составил несколько схем, в которых представил современникам собственное видение взаимодействия религиозных групп в народе.

А. С. Пругавин полагал, что представителей отличных от РПЦ религиозных течений, во множестве распространившихся по империи, нельзя ставить вне закона, воспринимать как чуждый или даже опасный для русского общества и государства элемент. Сложные отношения с официальной властью стали для А. С. Пругавина в некотором отношении препятствием для развития его исследовательской темы (в периоды усиления цензуры и установления за автором полицейского надзора), однако позволили наладить продуктивный диалог со староверами и сектантами — носителями интересовавших его идей. Последние видели в нём если не родственную душу (ведь А. С. Пругавин пострадал от действий властей), то человека, который смог их понять и принять такими, какими они были.

Народнические публицисты С. А. Приклонский и А. С. Пругавин определяли старообрядчество как особую религиозную общность на Европейском Севере. При этом они полагали, что старообрядческое влияние на местное население было неоспоримым фактом. Народники не воспринимали старообрядцев как заведомо отрицательное религиозное течение в русском обществе, как опасную секту, что было характерно для большинства церковных историков и государственных чиновников. В целом в исследованиях обоих авторов выделяется несколько ключевых моментов, связанных с темой старообрядчества: воздействие старообрядчества на образование, влияние на образ жизни и быт местного населения, роль староверия в монастырской жизни края.

Для каждого автора в рамках обозначенной темы существовали ключевые проблемы, изучению которых они посветили наибольшие усилия. С. А. Приклонский интересовался экономической составляющей старообрядчества, а А. С. Пругавин уделял большое внимание особенностям староверия как религиозной группы, её взаимосвязью с другими «оппозиционными» религиозными течениями в русском обществе.

Двойственность государственной политики в отношении старообрядчества (с одной стороны, закрепление на государственном уровне целого ряда послаблений для староверов; сохранение полицейского надзора, подозрение в распространении антигосударственных идей

и антистарообрядческие законы — с другой) приводила к тому, что значительная часть населения империи оказывалась вне законодательной защиты государства и вне общественного признания. Правильно ли делали власти, что воспринимали эту религиозную группу исключительно в негативном ключе? Или старообрядчество с его особенностями общественных и бытовых отношений, наоборот, могло стать тем самым вариантом возвращения к исконно русским корням, поиском которых русская интеллигенция занималась весь XIX в. А их духовный и бытовой жизненный опыт заслуживал подробного исследования.

Народники С. А. Приклонский и А. С. Пругавин попытались ответить на этот вопрос. Авторы полагали, что во многом причиной возникновения особых религиозных групп становилось стремление личности, переживавшей духовный кризис, защититься таким образом от негативного окружения (общества, государства).

Оба автора, изучая старообрядчество как особую форму религиозности на Европейском Севере и влияние данной группы верующих на местное население, её интеграцию в традиционное общество, пришли к выводу, что старообрядчество представляло собой важный для исследования опыт повседневного мирного взаимодействия с оппозиционными силами — государством и РПЦ. В своих исследованиях они заключали, что именно старообрядцы, несмотря на всю их оппозиционность и опасность, подчёркиваемую большинством церковных и прогосударственных исследователей, часто составляли самую образованную, культурную и экономически устойчивую часть русского общества, которая при правильной политике власти могла стать опорой государства.

Список литературы

1. Записки и письма по истории Выгорецких скитов, присланные Пругавину А. С. Приклонским С. А. // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 59. Л. 3—3 об., 17—20, 27—28.
2. *Зеньковский, С. А.* Русское старообрядчество. В двух томах / С. А. Зеньковский ; сост. Г. М. Прохоров. — Москва : Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. — 688 с.
3. *Карташев, А. В.* Смысл старообрядчества. [Электронный ресурс]. — Электрон. ст. — [Россия]. — URL: [http://www.staropomog.ru/nashi.vrem\(7\)/kartashov.html](http://www.staropomog.ru/nashi.vrem(7)/kartashov.html) (12.09.2015).
4. *Касторнов, С. Н.* Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления / С. Н. Касторнов // История и историография правового народничества : сб. статей / [Редколл.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.]. — Воронеж : Истоки, 2014. — С. 85—101.
5. *Кирчанов, М. В.* Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху / М. В. Кирчанов // Воронеж народниковедческий : сб. статей / под ред. Г. Н. Мокшина. — Воронеж : Истоки, 2012. — С. 9—26.
6. *Мокшин, Г. Н.* Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии / Г. Н. Мокшин // История и историография правового народничества : сб. статей / [Редколл.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.]. — Воронеж : Истоки, 2014. — С. 9—26.
7. *Мокшин, Г. Н.* От теории «малых дел» к широкой «культурной работе»: эволюция легального народничества в 1880—1890-е гг. / Г. Н. Мокшин // Воронеж народниковедческий : сб. статей / под ред. Г. Н. Мокшина. — Воронеж : Истоки, 2012. — С. 98—114.
8. *Молзинский, В. В.* Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества / В. В. Молзинский. — Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2001. — 304 с.
9. *Молзинский, В. В.* Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе / В. В. Молзинский. — Санкт-Петербург, 1997. — 240 с.
10. *Пеньков, А. И.* В. П. Воронцов и возрождение народнического аполитизма в начале 1880-х гг. / А. И. Пеньков // История и историография правового народничества : сб. статей / [Редколл.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.]. — Воронеж : Истоки, 2014. — С. 186—198.

11. Пеньков, А. И. К вопросу о роли В. П. Воронцова в народническом движении 70—90-х гг. XIX столетия / А. И. Пеньков // Воронеж народниковедческий : сб. статей / под ред. Г. Н. Мокшина. — Воронеж : Истоки, 2012. — С. 125—138.
12. Приклонский, С. А. Народная жизнь на Севере / С. А. Приклонский. — Москва : Типо-Литография И. Н. Кушнерова и К°, 1884. — 367 с.
13. Приклонский, С. А. Странники или бегуны, из народной жизни на Севере / С. А. Приклонский // Северный Вестник. — 1888. — № 9. — С. 101—128; № 10. — С. 117—143.
14. Прогавин, А. С. Начальнику Петербургского Губернского Жандармского управления об ускорении его допроса // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 377. Л. 1 об., 2.
15. Прогавин, А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Прогавин. — Москва : Типография И. Д. Сытина, 1905. — 89 с.
16. Пыжиков, А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII в. до 1917 г. / А. В. Пыжиков. — Москва : Древлехранилище, 2013. — 648 с.
17. Таранец, С. В. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века) / С. В. Таранец. — Киев, 2012—2014. — Т. 1—2. — 688 с.
18. Чернышева, Е. В. Дореволюционная историография возникновения земской интеллигенции / Е. В. Чернышева // Научные ведомости Уральского университета. — 2009. — Т. 9. — № 1 (56). — С. 133—139.
19. Чернышева, Е. В. Народническая историография земской интеллигенции / Е. В. Чернышева // История и историография правового народничества : сб. статей / [Редколл.: Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.]. — Воронеж : Истоки, 2014. — С. 67—84.
20. Юхименко, Е. М. Старообрядчество: история и культура / Е. М. Юхименко. — Москва, 2016. — 852 с., ил.

Natalya Kuznetsova

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Post-graduate Student of the Chair of Russian history;
Specialist of the Division for Vocational Guidance;
Junior researcher of the Office of Scientific Research (SBP 653-14)

Old Belief as a manifestation of traditionalism in the ideas of the Russian *Narodniki* S. A. Priklonsky and A. S. Prugavin

Abstract: The article analyzed the views of two Russian *Narodniki* (a 19th-century socialist movement in Russia known as 'Narodnichestvo') Sergey Priklonsky (1846—1886) and Alexander Prugavin (1850—1920) on the role of Old Believers in the history of the Russian Empire, especially on their influence on the Russian peasantry. Both Priklonsky and Prugavin represented the legal branch of the movement, which supported the idea that socialism would naturally evolve in Russia and, therefore, believed in the importance of studying Russian society and people. During their study of people's life, Priklonsky and Prugavin discovered that Old Believers with their specific spiritual ideas and practices formed a significant, although an isolated part of Russian peasant population. Both of them defined Old Belief as a specific form of religiosity in the European North and stressed its integration into traditional peasant societies.

Key words: Old Belief; European North; traditional society; 'Narodnichestvo'; S. A. Priklonsky; A. S. Prugavin